Писатель как профессия

Автор:
Харуки Мураками

Писатель как профессия

Харуки Мураками

Писатель как профессия

Приглашаем на встречу с любимым автором.

Представьте себе, что Харуки Мураками выступает перед читателями и вы задаете ему самые важные вопросы:

о писательской среде и литературных премиях,

о творческой силе и оригинальности,

о выработке своего стиля и характере,

о школе и образовании в Японии,

о секретах сэнсэя и его писательской философии,

о том, как стать писателем и не сойти с дистанции,

и еще море мыслей, советов и примеров из личного опыта Харуки Мураками.

Книга-интервью, книга-исповедь писателя, влюбленного в свою профессию.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Харуки Мураками

Писатель как профессия

Haruki Murakami

SHOKUGYO TOSHITE NO SHOSETSUKA (Novelist as a Vocation)

Copyright © 2015 by Haruki Murakami

Фото на обложке © by Murdo MacLeod

Беседа первая

Какие они, прозаики?

О писательской среде и не только

Разговор о писательстве, едва начавшись, может увести нас далеко в сторону, слишком уж широка сама тема, поэтому сначала давайте поговорим о тех, кто пишет прозу, – о прозаиках. Мне кажется, так беседа получится более конкретной, наглядной и, может быть, даже конструктивной. Если говорить откровенно, то в моих глазах многие прозаики – впрочем, разумеется, не все – это люди с далеко не идеальным характером, да и беспристрастными их тоже не

назовешь. Кроме того, по моим наблюдениям (хотя чья бы корова мычала), среди них не так уж редки люди с необычными привычками и не самыми похвальными наклонностями. Да и весь образ жизни прозаиков зачастую довольно странный.

Даже если они сами и не говорят вслух, почти все писатели (по моим прикидкам, примерно 92 %, и я в том числе) придерживаются мнения, будто все, что они делают и пишут, за редким исключением, правильно. А все, что делают и пишут все остальные авторы, – неправильно. И это твердое убеждение не покидает их всю жизнь. Думаю, что найдется, мягко говоря, немного людей, хотевших бы приятельствовать или жить рядом с такими типами.

Иногда доводится слышать рассказы о писателях, связанных крепкой многолетней дружбой. Но лично я от подобных историй сразу настораживаюсь. Не скажу, что сердечная дружба между прозаиками невозможна, но весьма сомнительно, что она окажется долговечной. Писатели в принципе натуры крайне эгоцентричные, и среди них очень много амбициозных людей с гипертрофированным самомнением. Если два автора вдруг окажутся в непосредственной близости друг от друга, то дружба у них с большой вероятностью не заладится. В этом я убеждался не раз на собственном опыте.

Один из показательных примеров – официальный прием в Париже в 1922 году, во время которого за одним столом оказались Марсель Пруст и Джеймс Джойс. Они сидели рядом, но за весь вечер не сказали друг дружке практически ни слова. Окружающие затаив дыхание следили за двумя величайшими писателями не только своего времени, но и двадцатого века в целом: о чем они будут говорить? А эпохальная встреча обернулась ничем, пшиком. Наверное, оба они были слишком высокого мнения о себе. Такие случаи не редкость.

Вместе с тем, когда речь заходит о профессиональной замкнутости – или, попросту говоря, о стремлении не пускать чужих в свой огород, – то я, пожалуй, не знаю ни одной другой профессиональной группы, которая была бы столь же терпимой и толерантной к новичкам, как прозаики. Я думаю, что эта характерная особенность – одна из, скажем так, немногочисленных прекрасных черт представителей нашей профессии.

На всякий случай поясню, что я имею в виду.

Что происходит, если певец или художник, переводчик или автор-документалист задумали написать роман?

Предположим, что некий прозаик очень талантливо поет, и он дебютирует в качестве певца. Или, к примеру, у него обнаруживаются способности к живописи, и он начинает выставлять свои работы. Могу с полной уверенностью сказать, что этот бедолага не только сразу же столкнется с ощутимым сопротивлением среды, но и моментально станет объектом насмешек. На каждом углу начнут судить-рядить, что вот поддался человек искушению, не удержался и сам себя поставил в глупое положение. Или еще скажут, что он бесталанный дилетант и техники у него – ноль. А со стороны профессиональных певцов и художников он может рассчитывать в лучшем случае на ледяное безразличие. В худшем же, вероятно, ему будут чинить препоны. В общем, радостных возгласов «Давай к нам! Как мы рады!» наш прозаик скорее всего не дождется, если только речь не идет о каких-то очень специфичных видах и стилях вокального искусства или живописи.

В течение тридцати пяти лет я довольно успешно занимался переводами американской литературы параллельно с писательской деятельностью. Однако на заре моей переводческой карьеры (да и сейчас, наверное, тоже) критики были ко мне отнюдь не благосклонны. «Перевод – не забава для дилетантов», «писательские переводы – это прихоть, и весьма неуместная» – то и дело я слышал в свой адрес подобные высказывания.

Или, скажем, в процессе работы над «Подземкой» я был безжалостно раскритикован писателями-документалистами: «в книге не соблюдены элементарные законы жанра», «дешевая слезовыжималка», «бесхитростный дилетантизм». Изначально я не ставил себе задачей написать книгу в жанре нон-фикшн – просто использовал «не фикшн», то есть прозу нехудожественную. Писал, как пишется, но в результате немножечко отдавил хвосты тиграм-стражам, охраняющим священные границы нон-фикшна. Я-то о существовании этих границ ничего не знал и о том, что внутри заведены какие-то четко установленные правила, тоже не догадывался. Так что поначалу, конечно, страшно сконфузился.

Итак, независимо от рода ваших занятий, если вы надумали попробовать себя в другой области, будьте готовы к тому, что «профи» скорее всего встретят вас не очень дружелюбно. Подобно лейкоцитам, главная функция которых – защита

организма от инородных тел, они будут стараться перекрыть вам доступ внутрь. Если вы не отступите, если будете настойчивы, то постепенно отпор будет слабеть, и в конце концов вас как нечто неизбежное молча примут в свой круг. Но перед этим здорово потреплют нервы. Чем у`же область, чем квалифицированнее в ней кадры и чем авторитетней специалисты, тем сильнее будет проявляться клановость и профессиональная гордость, и, следовательно, сопротивление тоже будет больше.

Т

еперь рассмотрим обратную ситуацию: что происходит, если певец или художник, переводчик или автор-документалист задумали написать роман? Как отреагируют наш прозаик и его коллеги? Воспримут ли они это в штыки? Думаю, вряд ли. В мире есть немало примеров очень успешных, высоко оцененных критиками романов, написанных певцами и художниками, переводчиками и документалистами. Но пока не случалось, чтобы маститые романисты негодовали во всеуслышание: «Ох уж эти дилетанты, творят, что хотят!» Кстати, чтобы кто-то из прозаиков чихвостил начинающих авторов, насмехался над ними, строил козни, засовывал палки в колеса, мне тоже пока слышать не доводилось, но тут я могу говорить только о том, что знаю сам. Даже наоборот, прозаики, как правило, демонстрируют по отношению к «людям со стороны» искреннее любопытство; если есть возможность, они готовы встречаться и обсуждать рукописи; писатели нередко подбадривают новичков и поддерживают в них боевой дух.

Разумеется, прозаики могут сказать за спиной какую-нибудь гадость о литературном произведении певца или художника, но они постоянно делают то же самое и по отношению друг к другу. Это, вообще-то говоря, норма поведения в писательском цехе, а вовсе не проявление профессиональной клановости. У тех, кого я называю прозаиками, много явных недостатков, но что касается чужаков в огороде – тут они проявляют чудеса терпимости и толерантности.

Интересно, почему?

Тут для меня все очевидно. Крупная проза – это ведь такая штука («штука» звучит немного грубовато, согласен), которую может написать практически кто угодно. Главное – захотеть. К примеру, чтобы стать пианистом или балериной, нужно с раннего детства много и тяжело работать. Художникам тоже необходимы специфические профессиональные знания и техническое

мастерство, не говоря уже о наличии полного комплекта художественных материалов. Или, скажем, альпинист – он должен обладать исключительной выносливостью, виртуозной техничностью и бесстрашием.

А чтобы писать романы, кроме умения выводить буквы (подавляющее большинство людей это умеют), нужны только ручка и блокнот. Такого технического минимума вполне достаточно. Дальше дело только за творческими способностями – если у вас есть писательский талант, то никакие особые занятия не понадобятся. Просто садитесь и пишите. Пишите, и у вас получится роман или повесть. Нет никакой необходимости учиться в литературном институте или на кафедре сравнительного литературоведения, потому что никаких особых профессиональных знаний, без которых нельзя было бы написать прозу, не существует.

Даже скромно одаренный человек может с первого раза написать хорошее произведение. В этом нет ничего невозможного. Хоть я немного и стесняюсь, могу в качестве наглядного примера привести себя самого – человека, который никогда в жизни не обучался литературному творчеству. Правда, в университете я числился на отделении сценических искусств филологического факультета, но время было такое, что никто толком не учился. Мы отращивали длинные волосы, отпускали усы и бороды и в таком неопрятном виде болтались без дела по кампусу и окрестностям. Становиться писателем я особо не собирался, никаких заметок не делал, записных книжек не вел, просто однажды взял и ни с того ни с сего написал дебютный роман (если эту повесть можно так назвать) «Слушай песню ветра» и получил за него премию журнала «Гундзо»[1 - «Гундзо» – японский ежемесячный литературный журнал, выпускаемый издательским домом «Кондося».] для начинающих писателей. А потом как-то незаметно превратился в профессионального писателя. Иногда, когда я об этом думаю, мне даже хочется себя спросить: «А что, так можно было, что ли?»

Да понимает ли он вообще, что такое литература?

Прочитав вышенаписанное, кто-нибудь из вас, дорогие читатели, вероятно, испытает раздражение: «Да понимает ли он вообще, что такое литература?» Для меня литература – это прежде всего повествование о подлинном смысле вещей и явлений. Об этом я и рассказываю. Только и всего. Кто бы что ни говорил,

роман, несомненно, является весьма широкодиапазонной формой, и думается мне, что это отчасти служит источником мощной энергии, которая заключена в крупной прозе. Собственно, поэтому я не вижу ничего унизительного по отношению к роману в словах «может написать практически кто угодно». Даже наоборот, я считаю это похвалой.

То есть роман как жанр по своей сути легко доступен любому желающему – это что-то вроде литературного рестлерского ринга, открытого для людей с любым бэкграундом. Расстояние между канатами достаточно велико, а еще есть специально приготовленная удобная лесенка, так что подняться на ринг – в меру просторный, с ровным настилом – совсем нетрудно. Здесь нет охраны, которая могла бы помешать вашим действиям, судья ведет себя тихо, не придирается. Настоящий рестлер (в данном случае его роль достается профессиональному писателю) уже смирился с ситуацией и как бы всем своим видом говорит: «Давайте-давайте, не мнитесь, залезайте сюда все, кто хочет». Тут у нас что-то вроде неслабого сквознячка, все такое гибкое, зыбкое, подвижное, одним словом – неопределенное.

А что это значит? Это значит, что залезть на ринг легко, но удержаться на нем не так-то просто. Профессиональный литератор, разумеется, очень хорошо это знает. Написать один-два романа – не такое сложное дело. Но писать романы все время, всю жизнь, до самой смерти невероятно трудно. Наверное, даже можно сказать, что обычному человеку такое не под силу. Так что в этом смысле прозаику необходимы, как бы так выразиться, «особые качества». Понятно, что талант – это важно, но кроме таланта необходимо упорство. А еще – хотя это касается не только профессиональной, но и других сторон жизни – везение и готовность воспользоваться случайным стечением обстоятельств. Более того, именно в этом-то и состоит своего рода писательская «профквалификация», про которую можно сказать следующее: у кого она есть – она есть, а у кого ее нет – ее нет (хотя некоторые с этим рождаются, а другие с огромным трудом приобретают). Вообще, про нее почти ничего не известно, и мало кто готов открыто это обсуждать – наверное, потому, что речь идет о вещах, которые не воспринимаются ни зрением, ни слухом, да и нормально описать это средствами языка тоже невозможно. Но, как бы то ни было, сами прозаики прекрасно знают и всем своим существом ощущают, насколько колоссальный труд не столько быть, сколько оставаться прозаиком.

Вот поэтому-то писатели так философски относятся к пришельцам из других профессиональных сфер, пролезающим между канатами на ринг. «Ну

здравствуй, коли пришел» – так встречают дебютантов если не все, то очень многие прозаики. Хотя бывает, что на вновь пришедших попросту не обращают внимания. Если новичок не смог удержаться на ринге или ушел с него по собственному желанию (в подавляющем большинстве случаев происходит либо то, либо другое), то ему на прощание вежливо говорят: «Ну что ж, очень жаль» или «Всего хорошего». Но если он (или она), приложив усилия, не оставили ринга и сумели на нем закрепиться, то им, разумеется, выказывается всевозможный почет и уважение. И это справедливо, я считаю (то есть я бы хотел, чтобы таких людей ценили и уважали).

Кроме того, терпимость, о которой я тут говорю, отчасти может быть еще связана с тем, что литературный мир устроен не по антагонистическому принципу – это не игра с нулевой суммой[2 - Игра с нулевой суммой – термин из теории игр, который означает, что если один игрок начинает выигрывать, то положение всех остальных игроков ухудшается вплоть до полного поражения.]. Другими словами, если вдруг появляется новый писатель, это вовсе не значит, что кто-то из старых тут же теряет работу. По крайней мере, если что-то похожее и происходит, то совсем не так прямолинейно. Этим профессиональная литература принципиально отличается от профессионального спорта. Если в команде появляется новый спортсмен, то кто-то из ветеранов или менее успешных новичков отправляется в свободное плавание. В литературном мире никто не остается за бортом, и если, скажем, было продано 10 тысяч экземпляров дебютного романа молодого писателя, это не означает, что кто-то из его старших коллег продал на 10 тысяч экземпляров меньше. Все так не работает. Даже наоборот, если роман какого-нибудь дебютанта очень хорошо продается, это улучшает ситуацию с художественной прозой, а иногда, так сказать, освежает всю литературную индустрию в целом.

Несмотря на все вышесказанное, по прошествии времени, конечно, происходит своеобразный отбор. Каким бы широким ни был наш ринг, все-таки, по-видимому, существует некое оптимальное число одновременно находящихся на нем людей. Так мне кажется, когда я осматриваю окрестности с высоты проведенных в профессии лет.

В общем, как-то вот так на протяжении долгого времени я все пишу и пишу прозу и зарабатываю себе на жизнь профессиональным писательством. То есть, получается, топчусь на этом «литературном ринге» уже три с лишним десятка лет, «кормлюсь кистью», как говорили в старину. В определенном смысле это

можно считать достижением.

За эти тридцать с чем-то лет я видел множество литературных дебютов. Заметное число дебютантов и их произведений удостоились в свое время довольно высокой оценки. Эти люди заслужили похвалу литературных критиков, стали лауреатами престижных премий, сделались объектом внимания широкой общественности, тиражи их книг были моментально распроданы. На них возлагались большие надежды. Эти люди взошли на ринг под звуки бравурной музыки, купаясь в свете софитов.

Однако если посмотреть, кто среди дебютировавших лет двадцать-тридцать назад остался в профессии и продолжает писать по сей день, то, честно говоря, их количество будет не таким уж большим. Да что там, откровенно малым. Многие «молодые перспективные писатели» тихо и незаметно куда-то исчезли. Возможно – и таких случаев, на мой взгляд, значительно больше – им просто надоело писать прозу, а может быть, они устали регулярно выдавать на-гора новые повести и романы и подались в какую-то другую область. Написанные ими вещи, в свое время бывшие на слуху и на виду, теперь вряд ли можно купить в обычных книжных. Многое уже давно исчезло с магазинных полок, потому что прозаиков может быть сколь угодно много, но торговая площадь имеет четкие границы.

О характере писателя

Лично я думаю, что писать прозу – неподходящее занятие для людей рассудительных и трезвомыслящих. Нет, разумеется, для работы прозаика неплохо иметь образование, требуются также интеллект и некоторые знания. Ведь даже у меня есть какой-никакой интеллект и определенный запас эрудиции. Наверное. Как-то так. Хотя если вы сейчас потребуете от меня однозначного ответа, так ли это, боюсь, не смогу с уверенностью ответить.

Я считал и продолжаю считать, что люди, которые соображают слишком быстро или знают гораздо больше других, в прозаики не годятся. Потому что написание повести или романа подобно излаганию сказки или былины – это медленный, задумчивый процесс, движение на «низкой передаче». Переводя пример в область телесного опыта, можно сказать, что мыслительный процесс прозаика

движется немного быстрее обычного пешехода, но, пожалуй, медленнее, чем велосипед. Есть люди, которым хорошо думается с такой скоростью, а есть и те, кому не очень.

В большинстве случаев прозаик упорядочивает то, что бродит у него в голове, таким образом, чтобы получилось повествование, некая история, а затем выражает ее в словах. Он работает на разнице форм содержания – первоначальной и выраженной – и, рассказывая свою историю, использует эту разницу как рычаг. По сути, это движение в обход, окольным путем – довольно затратное, надо сказать, по времени занятие.

Если мыслеобразы в вашем сознании яркие, с четким контуром и однозначным посылом, то нет нужды упорядочивать их в рассказ или повествование. Разумнее преобразовывать их в слова, как они есть – так будет гораздо быстрее и до окружающих легче станет доходить. Например, мысль, выраженную в форме повести, на написание которой у вас уйдет полгода, вполне вероятно, можно было бы сформулировать на бумаге за три дня, если не ходить вокруг да около. А если говорить в микрофон, то, возможно, хватило бы и десяти минут. Для людей, которые быстро соображают, конечно же, не составит особого труда уложиться в эти временные рамки. И у слушателей тоже наступит прозрение, и все сразу встанет на свои места: «Вот оно что! Теперь понятно!» Что называется: «голова хорошо работает».

Людям с обширным багажом знаний также вряд ли пригодится этот непонятный, бесформенный сосуд под названием «проза», который еще попробуй наполнить смыслом. Фантастические умопостроения с нуля тоже не для них. Если они на основе своих знаний выстроят стройную логическую структуру, то, выраженная словами, она окажется настолько убедительной, что публика и так придет в искреннее восхищение.

Причина факта, что многие литературные критики в каком-то смысле не в состоянии понять художественную прозу – а если и понимают, то не могут словами выразить свое понимание, – кроется, как мне кажется, именно в этом. Литературные критики в массе своей очень умные люди, голова у которых работает гораздо лучше, чем у авторов прозы, и даже, я бы сказал, слишком хорошо. И соображают они чересчур быстро. Они просто физически не приспособлены к такому неспешному транспортному средству, как роман или повесть. Поэтому критики то и дело подгоняют темп авторского текста под темп своего восприятия и, следовательно, выстраивают логику рассуждений не по

оригиналу, а по собственной интерпретации. Иногда такой подход может оказаться кстати, но порою он абсолютно неуместен. Соответственно критика иногда удается вполне, а временами не удается вовсе. По крайней мере в тех случаях, когда темп повествования медлителен не ради самой медлительности, а потому что это позволяет достичь эффекта многослойности и сложности, такой подход может привести к заметному искажению восприятия исходного текста.

В общем, я не раз и не два самолично наблюдал, как люди сообразительные и проницательные, настоящие светлые головы – а как правило, именно такие чаще всего приходят в литературу из других профессий, – написав парочку романов, пропадали с литературного горизонта. Написанная ими проза была качественной, в ней чувствовалась одаренность авторов. Изредка попадались настоящие открытия. Но почти никто из этих авторов, за редчайшим исключением, не задержался на ринге надолго. Такое ощущение, что им просто было интересно попробовать что-то новое, и, удовлетворив любопытство, они шли дальше.

Может быть, роман даже при наличии определенного литературного таланта так просто не напишешь больше одного раза в жизни? Или, может статься, люди проницательные как-то не видят для себя такой уж большой пользы в написании прозы. Они пробуют раз, пробуют другой, а потом говорят: «О’кей, все с этими романами понятно». И идут себе по другим делам. Можно ведь такое предположить? Ну что им просто становится очевидно: можно заняться и чем-то более эффективным.

Вот тут я их прекрасно понимаю. Написание романов – это деятельность с чрезвычайно низким коэффициентом полезного действия. Она построена по принципу нанизывания «примеров». Автор романа берет определенную тему и развивает ее, помещая в разные контексты. То есть он как бы говорит: «Вот это, к примеру, может оказаться чем-то таким». Если же и в этом своеобразном перифразе попадается какое-то неясное по смыслу, неоднозначное место, то автор опять прибегает к тому же приему: «А вот это, к примеру, может быть чем-то другим». Примеры могут продолжаться и продолжаться. Нескончаемая вереница, гигантская матрешка перифразов. Иногда я думаю, что в мире едва ли найдется более неэффективный и мешкотный процесс. А вот если с самого начала раскрыть первую тему полностью – сформулировать все точно, незамутненно, интеллигентно, то все эти бесчисленные примеры, все это нанизывание станет абсолютно ненужным. Это прозвучит радикально, но тех,

кто пишет прозу, наверное, можно охарактеризовать как «особый тип людей, которые полны решимости сделать ненужное нужным».

Сами прозаики, конечно, считают, что как раз за такими вот ненужными, нескладными высказываниями скрывается сущностная истина. Вы можете подумать, что я тут занимаюсь казуистикой, но многие писатели действительно верят в это и, исходя из избыточности, создают произведения. Так что нет ничего удивительного в существовании двух диаметрально противоположных мнений: «можно совершенно спокойно прожить без всяких романов» и «жизнь без романов решительно невозможна». Тут уж все зависит от свойственного вам метода членения временного континуума и от особенностей вашего мировоззренческого глазомера. Выражаясь точнее, неэффективное и нескладное – это обратная сторона эффективного и складного, а мир, в котором мы живем, – многоярусный и многослойный. Если один из слоев исчезнет (или один из ярусов начнет проседать), то весь мир исказится.

Это всего лишь мое личное мнение, но по своей сути создание прозы все ж таки довольно «идиотское» занятие. В нем почти никакой элегантности, никакой изюминки. Ты сидишь сиднем в комнате, один, как сыч, и словно заведенный крутишь текст туда-сюда: «Так не пойдет! И так тоже не годится!», исступленно мотаешь головой… И так за письменным столом проходит твой день, но за доведение до совершенства одной-единственной строчки текста никто тебя не похвалит, аплодисментов не будет. Даже по плечу никто тебя одобрительно не похлопает, дескать, молодец, хорошо поработал. Сам себе молча кивнешь, вот и все. А когда книга уже будет написана и опубликована, то на эту твою идеальную строчку скорее всего ни один человек так внимания и не обратит. Такая вот у прозаика работа. И времени занимает немерено, и вообще одно от нее расстройство.

В мире есть люди, которые целый год занимаются тем, что с помощью длиннющего пинцета выстраивают миниатюрную модель корабля внутри стеклянной бутылки, так вот, писать роман – это почти то же самое, неимоверно похоже. Я руками ничего делать не умею и на подвиги, как человек с пинцетом, не способен, но в чем-то главном у нас с ним немало общего, я считаю. Когда пишешь роман, то занимаешься мелкой, кропотливой работой за закрытыми дверями изо дня в день. А она все никак не заканчивается… В общем, я думаю, что на такой работе вряд ли у кого-то получится протянуть долго, если только это не подходит к его характеру или он просто по жизни не особенно

напрягается.

О темпах, о сроках «профпригодности»

В детстве я читал книжку про двух товарищей, отправившихся посмотреть на гору Фудзи. До этого ни один из них ни разу Фудзи не видел. Тот, что поумнее, полюбовался на гору под разными углами с нескольких точек у подножья. «О! – сказал он. – Так вот ты какая, гора Фудзи! Как же ты прекрасна!» – и вернулся домой. Весьма результативная получилась поездка, ничего не скажешь. А второй человек, что поглупее, все смотрел, смотрел, но так ничего и не понял про гору Фудзи. Тогда он решил в одиночестве подняться на нее и так и сделал. Подъем был нелегким, отнял немало времени и сил. Он выдохся, смертельно устал и, только оказавшись на самой вершине, наконец все понял. Не понял даже, а проникся.

Племя прозаиков (как минимум большая его часть) ближе по духу скорее ко второму человеку. То есть, если так выразиться, к тому, что поглупее, который, пока на своих двоих на самую вершину не заберется, не поймет: какая она, Фудзи. Хуже того, может оказаться, что прозаику одного подъема будет недостаточно, чтобы проникнуться; а то еще найдутся такие, кто с каждым новым подъемом будут понимать все меньше и меньше. Такая вот у писателей натура. Получается, что дело здесь вовсе не в результативности. Просто, как ни крути, людям сообразительным и трезвомыслящим некоторые вещи не даны.

Поэтому, даже если вдруг кто-то пришел со стороны, написал роман, удостоился любви критиков и читателей, стал автором бестселлера – прозаики остаются невозмутимыми. Они не чувствуют угрозы. Они не злятся (как мне кажется). А почему? Да потому что им известно: надолго в их профессии мало, ну очень мало кто задерживается. У людей искусства – одни темпы, у интеллектуалов – иные, у ученых, стало быть, тоже другого порядка. Но в долгосрочной перспективе подавляющее большинство и тех, и других, и третьих, по-видимому, не вписываются в темп прозы.

Да, конечно, некоторых прозаиков тоже называют «людьми искусства». Более того, среди прозаиков есть люди весьма сообразительные. Просто их сообразительность – особого, «прозаического» свойства. По моим наблюдениям,

на обычной понятливости люди выдерживают в нашей среде не больше десяти лет – своеобразный «срок (профпри)годности», по истечении которого требуется другое, более глобальное и долговечное качество. Иными словами, в какой-то момент от «остроты бритвы» надо переходить к «остроте секача». А затем и к «остроте топора». Тот, кто смог благополучно миновать все эти «переходные моменты», делает качественный скачок и выходит на новый уровень писательского мастерства. Как автор он переживет свой век и останется в истории. А кто не смог – уходит: либо пропадает совсем, либо его присутствие становится почти незаметным. Или перестает расти, водворившись там, куда позволили дотянуться сообразительность и рассудительность. Для прозаика ситуация «водворения» означает работу на холостом ходу. То есть, если говорить в терминах, описывающих эффективность системы, – «снижение полезной работы». Прозаики – как те рыбы, которые если не плывут вперед, то умирают.

Именно поэтому по отношению к писателям (то есть к моим коллегам), кому это дело не надоело (ну-ну), кто его не бросил и продолжает писать по сей день, я испытываю глубокое уважение. Разумеется, у меня есть личное мнение, не всегда лестное, по поводу каждого их произведения. Если оставить мнение за скобками, то я думаю, что такие люди, которые в течение двадцати-тридцати лет профессионально писали, нашли своего читателя, прожили долгую жизнь, – это прозаики, обладающие мощным внутренним ядром. И они заслужили уважение.

Внутренний драйв, не позволяющий тебе остановиться и не писать. Недюжинная выносливость, благодаря которой ты пережил долгие часы работы в полном одиночестве. Наверное, это главные профессиональные качества прозаика, основная необходимая ему профквалификация.

Написать один роман не так трудно. Написать один хороший роман – для некоторых тоже не такая уж сложная задача. В общем, не скажу, что это легко, но не непосильно. Однако продолжать писать в течение многих лет – это очень, очень тяжело. И такое под силу далеко не каждому. Потому что для этого нужно обладать особыми качествами, не только талантом, но и профпригодностью, которая все-таки немножко другое.

Ну и как же понять, профпригоден ты или нет? Как это определить? Только одним способом: прыгнуть в воду и поплыть. Иначе не поймешь, держишься ты

на поверхности или тонешь. Грубо говоря, это ведь и есть основной принцип жизни. Жизни, которую можно осмысленно и с пользой (наверное, здесь было бы правильнее использовать сравнительную степень – с большей пользой) прожить и без того, чтобы писать романы. Пусть прозу создают те, кто хочет, кто не может не писать. Пусть пишут и не останавливаются. Таких людей, таких писателей я от самого сердца с радостью приветствую: «Добро пожаловать на ринг!»

Беседа вторая

Как я стал писателем

Испытания приносят неплохие плоды

Когда я получил премию журнала «Гундзо» для начинающих авторов и дебютировал как писатель, мне было тридцать лет. К тому времени я уже обладал (хоть и не скажу, что в достаточной мере) неким жизненным опытом, и он несколько отличался от жизненного опыта среднестатистического гражданина. Обычно человек заканчивает учебу, потом устраивается на работу, а некоторое время спустя заводит семью. Да я и сам примерно как-то так и планировал жизнь. Вернее, не планировал, а представлял, что примерно так и будет. Ведь это словно само собой разумеется, что все происходит именно в таком порядке. Хорошо это или плохо, но дерзкая мысль действовать вразрез с общепринятым обычаем даже не приходила мне в голову. Однако так получилось, что я первым делом женился, затем – это была вынужденная необходимость – начал работать и только потом наконец окончил университет. В общем, сделал все в точности наоборот. Назови это хоть «естественным ходом вещей», хоть «случайным стечением обстоятельств», суть одна и та же – жизнь плохо поддается планированию.

Итак, я женился (не буду объяснять здесь почему, чтобы не утомлять вас долгим рассказом). Работать в компании мне не хотелось (опять обойдусь без не менее долгого рассказа), и поэтому я решил открыть собственное заведение – бар, в

котором под джазовую грампластинку можно выпить кофе или что-нибудь алкогольное и закусить. Я как раз тогда ушел в джаз, что называется, с головой (впрочем, сейчас я тоже частенько его слушаю), и идея с баром лежала на поверхности – отличный способ слушать любимые пластинки с утра до вечера. Да только откуда же взяться начальному капиталу у семейного студента? Вот мы с женой и вкалывали три года на нескольких работах, стараясь откладывать каждую монетку. Ну и заняли, конечно, у кого только смогли. На собранные таким образом средства мы открыли заведение на южном выходе станции Кокубундзи[3 - Станция Кокубундзи – крупная станция железной дороги в одноименном городе на западе Токийского столичного округа.]. Было это в 1974 году.

К счастью, чтобы открыть бар или что-то подобное, в те времена не требовалось такого огромного количества денег, как сейчас. Поэтому неформалы вроде меня, кто принципиально не хотел работать в офисе и прогибаться под систему, открывали повсюду кафе, магазинчики, книжные лавки и рестораны. По соседству с нашим баром было несколько таких заведений с молодыми хозяевами, и везде ходили шумные компании неукротимо задорной молодежи, которую подхватил ураган студенческого протеста. Вообще, как мне кажется, тогда в мире малого предпринимательства еще оставалось довольно много незанятых ниш, и если найти подходящую, то вполне можно было прокормиться. В те времена все происходило слегка грубовато, но жизнь была интересной!

Я перевез в бар старое пианино из дома, и по выходным у нас была живая музыка. В районе Мусасино[4 - Мусасино – небольшой город в центральной части Токийского столичного округа.] жило много джазменов, и, несмотря на смешные гонорары, все они (наверное, все) с радостью соглашались играть. Некоторые теперь стали знаменитостями, а тогда все мы были молодыми и энергичными энтузиастами своего дела, которое, ко всеобщему сожалению, не приносило почти никаких денег.

Да, мы жили по зову сердца, но для этого пришлось залезть в долги, возвращать которые было ох как нелегко. Мы взяли ссуду в банке, одолжили денег у друзей. Друзьям, кстати, в течение нескольких лет вернули все до копеечки и даже с процентами. Мы с женой работали каждый день с утра до вечера, питались непонятно чем, но зато расплатились в срок. Что, конечно, в порядке вещей. Образ жизни мы вели скромный, можно даже сказать, спартанский. У нас не стояло дома ни телевизора, ни радио – да что там радио, даже будильника у нас не было, и отопительных приборов почти никаких. Холодными ночами мы спали

в обнимку с нашими котами и кошками, чтобы не замерзнуть, только тем от холода и спасались. И льнувшие к нам питомцы – тоже.

На ежемесячные выплаты по ссуде нашего заработка никак не хватало. Однажды мы с женой в полном отчаянии поздней ночью вышли из дома и побрели по улице, смотря под ноги – не обронил ли кто из прохожих деньги? Можете назвать это совпадением или провидением, но чудесным образом мы нашли несколько мятых купюр – именно ту сумму, которой нам не хватало (в моей жизни отчего-то время от времени случаются непостижимые вещи). Между прочим, если бы мы не заплатили банку на следующий день, нам грозила бы подача искового заявления о неуплате… По-хорошему, мы должны были заявить о находке в полицию, но в тот момент у нас не хватило душевных ресурсов на такой прекрасный поступок. Знаю, что просить за это прощения сейчас – смысла мало, но все-таки: простите, если сможете… А я по возможности постараюсь вернуть долг обществу – пусть и в несколько иной форме.

Вообще-то в мои планы не входило описывать пережитые тяготы и лишения, я только хотел сказать, что период между двадцатью и тридцатью годами был у меня довольно трудным. Хотя, уверен, в мире найдется немало людей, с которыми жизнь обошлась гораздо жестче, чем со мной. Эти люди сочтут мои невзгоды несерьезными и, несомненно, будут правы. Но они – это они, а я – это я, и мне пришлось весьма несладко. Такие дела.

В любом случае времена были веселые. Это уж точно. Я был молод, здоров, мог целыми днями слушать любимую музыку. Мой дом стал моей хоть и маленькой, но крепостью, а я был сам себе хозяин.

Мне не нужно было ездить каждое утро на работу в переполненной электричке, сидеть на скучных совещаниях и безропотно терпеть притеснения начальства. Кроме того, я имел возможность знакомиться и общаться с интересными людьми.

Да, еще кое-что важное. Все это время я «изучал социум». Это выражение звучит как-то высокопарно, немного по-дурацки. Короче, я просто взрослел, но успел побиться со всего размаху головой о непробиваемую стену, походить по краю пропасти, наслушаться всевозможных ужасов и натворить немало дел, о которых потом пожалел. Наше заведение проходило по разряду увеселительных, и этого было достаточно, чтобы на нас смотрели свысока, а выкладываться при этом приходилось по полной. Мы молча терпели. И хотя мне

иногда приходилось «вышибать» из бара чересчур разошедшихся и в доску пьяных клиентов, гораздо чаще я просто втягивал голову в плечи и ждал, пока буря стихнет сама собой. Надо было продолжать работать, выплачивать непосильные долги – кроме этого, я почти ни о чем не мог думать. Пусть весь этот сложный период я пребывал в некотором полубеспамятстве, я считаю, что он подошел к концу без особых последствий. Я выжил и перебрался из диких джунглей на открытую равнину, перевел дух, осмотрелся по сторонам – и моим глазам предстал невиданный ранее ландшафт. А посреди этой обновленной незнакомой местности стоял обновленный и незнакомый я – если вкратце, то примерно так. Я вдруг заметил, что возмужал и поумнел (правда, совсем немножко).

Я больше не собирался существовать по принципу «жизнь – это преодоление трудностей». Честно говоря, если можно обойтись без преодоления трудностей, то это – лучший вариант, как мне кажется. Всем понятно, что от жизненных тягот радости мало, а некоторых людей они и вовсе подкашивают. И восстановиться после них, уверен, выходит далеко не у всех. Если вы сейчас как раз переживаете очередную невзгоду и в голову вам лезут всякие неприятные мысли, то я хотел бы сказать, что – да, в настоящий момент вам тяжело, но, может быть, со временем испытания принесут неплохие плоды. Не знаю, утешит вас эта мысль или нет, но, пожалуйста, помните о ней и продолжайте двигаться вперед.

Как мне это видится сейчас – пока я не начал работать в баре, я был обычным человеком. Я вырос в тихом пригороде между Осакой и Кобе[5 - Осака и Кобе – крупные японские города на острове Хонсю.], никаких особых проблем у меня не было, и сам я тоже их никому не устраивал. С учетом того, что в школе я, можно сказать, почти не учился, оценки в моем аттестате были вполне сносными. Я с детства любил литературу, был страстным читателем и проводил много времени с книгой в руках. Думаю, среди моих друзей и знакомых не было никого, кто прочитал столько же, сколько я за шесть последних лет школы – с седьмого по двенадцатый класс. Еще я любил музыку – буквально купался в ней, слушая все подряд. Понятно, что времени на учебу как-то не оставалось. Как единственному ребенку в семье мне уделяли много внимания (точнее, попросту баловали), и почти никаких болезненных переживаний у меня в детстве не было. Короче, я жил в блаженном неведении о том, как устроена жизнь в обществе и сам социум в целом.

Я поступил в университет Васэда[6 - Васэда входит в тройку лучших университетов Японии и оспаривает первенство на самый престижный частный вуз.] и переехал в Токио в конце шестидесятых. Это было бурное время, эпоха студенческих волнений. Долгое время кампус был закрыт: сначала из-за протеста самих студентов, а затем в качестве ответной реакции со стороны администрации университета. Лекций за это время у нас почти не было. Благодаря этому (если можно так выразиться) в студенческие годы я вел очень странную, хаотичную жизнь.

Я всегда чувствовал себя в любой группе не очень комфортно и не умел работать в коллективе, сообща. Наверное, поэтому и не попал ни в какое объединение. Но студенческое движение я поддерживал, когда было возможно именно индивидуальное участие, по мере сил ему помогал. Позднее разногласия между группировками внутри движения усилились. Противостояние становилось все отчаяннее, приводя к бессмысленной гибели людей (прямо в одной из аудиторий филологического факультета, где я учился, был убит студент, не состоявший ни в одном объединении). В результате я, как и многие другие, разочаровался в протестном движении. В нем происходило что-то не то, появился изъян. Оно потеряло свою творческую, созидательную силу, такое было чувство. А после того, как эта мощная буря отшумела, в моем сердце осталось только горькое послевкусие, которое бывает, когда теряешь надежду. Какими бы правильными ни были лозунги, как бы прекрасно ни звучали идеи, если дух, который питает движение, утрачивает моральную силу, все сразу превращается в фикцию, в нагромождение пустых слов, за которыми ничего не стоит. Я пришел к такому выводу в студенчестве, не сомневаюсь в нем и сейчас. У слов есть сила. Но эта сила должна определяться моральной правотой. Нельзя, чтобы слова были сами по себе.

После всех этих событий я снова погрузился в личный обособленный мир и окончательно там обосновался. Я имею в виду мир книг, музыки и кино. Тогда у меня была ночная подработка в Кабуки-те[7 - Кабуки-те – квартал Синдзюку, известный бурной ночной жизнью.], в Синдзюку, и мне встречались там самые разные люди. Не знаю, как сейчас, но тогда в Кабуки-те и окрестностях по ночам бродили совершенно невообразимые, удивительные люди. С ними было интересно, весело, временами опасно, а иногда трудно. В общем, если уж сравнивать, то в этом неистовом, пестром, лихом, сомнительном месте я немало (гораздо больше, чем в университете и студенческих клубах среди себе подобных) узнал о жизни и, как мне кажется, многое понял. В английском языке есть слово streetwise – так можно сказать о человеке, научившемся выживать в жестоких условиях большого города на практике, и мне такой «подножный» тип

обучения явно больше подходил по характеру, чем академический. По правде говоря, учеба в университете меня на тот момент почти не интересовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Гундзо» – японский ежемесячный литературный журнал, выпускаемый издательским домом «Кондося».

2

Игра с нулевой суммой – термин из теории игр, который означает, что если один игрок начинает выигрывать, то положение всех остальных игроков ухудшается вплоть до полного поражения.

3

Станция Кокубундзи – крупная станция железной дороги в одноименном городе на западе Токийского столичного округа.

4

Мусасино – небольшой город в центральной части Токийского столичного округа.

5

Осака и Кобе – крупные японские города на острове Хонсю.

6

Васэда входит в тройку лучших университетов Японии и оспаривает первенство на самый престижный частный вуз.

7

Кабуки-те – квартал Синдзюку, известный бурной ночной жизнью.

Купить: https://tellnovel.com/ru/haruki-murakami/pisatel-kak-professiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить